

Сегодня впервые, читатель, ты встречаешься в новом году с «Музыкальной средой». Что это за рубрика и о чем расскажет она?

«Музыкальная среда» — это:

- полюбившиеся песни по вашим заявкам;
- информация, рецензии, обзоры, посвященные музыкальной жизни Горького и области;

— интервью и беседы с известными музыкантами и исполнителями;

— рассказы о лучших мастерах эстрадной, популярной музыки в разделе «Наш словарь: певцы и ансамбли»;

— составленные с вашей помощью «Музыкальные парады» — списки самых популярных песен, исполнителей, пластинок.

РЕЦЕНЗИРУЕМ ПЛАСТИНКУ

Новая пластинка Аллы Пугачевой «Зеркало души» уверенно занимает призовое место в нашем «Музыкальном параде», — популярность ее не вызывает сомнений.

Сегодня мы приглашаем читателей «Музыкальной среды» — поклонников искусства Пугачевой — послушать еще раз полюбившуюся пластинку и поразмышлять об ее противоречивых свойствах.

Первое, что бросается в глаза, — черно-белое изображение (а там был «естественный» цвет). Точнее, жемчужно-серое, «плывущее», туманное. Огромное овальное зеркало в старинной затейливой раме отражает поникший белый цветок и неясные, с трудом узнаваемые очертания женского лица. Отражение размыто, «смазано», оно растворяется в не-

ры? Иными словами, чем кончается песня? Как в спектакле: из темного зрительного зала мы видим, как постепенно уходит свет и со сцены, тонут во тьме декорации, костюмы, реквизит, и вот уже перед нами — только одно лицо, выхваченное из затемнения неярким лучом прожектора. Лицо героини, завороченной собственными тихими заклинаниями, уверовавшей в них и повторяющей почти шепотом, со слепой монотонностью шаманского бубна: «Снова... любишь... ты... меня...»

Вот такая песня. «Бубен

стоит в том, что в песне совершенно произвольно перепутаны «я» и «ты», «твоей любви лишиться» и «моей любви...» В результате — невозможно разобраться, кто же кого разлюбит и в чем, собственно, трагедия.

Та же, мягко говоря, «сомнительная» свобода проступает в финале песни: добавленные к сонету слова: «Оставь, но только не теперь» (бог ведает, откуда их взяли авторы песни!) исполняются певницей не «на пределе», а «за пределами» артистического вкуса и такта, за пределами дозволенного естественным человеческим чувством меры. Здесь Пугачева устраивает настоящий скандал с истерикой и слезами (вот он, первый фотопортрет конверта!). Такое эмоциональное «разведение» и слушать-то неловко. И это тем обиднее, что по музыке песня сделана талантливо. Она могла бы глубоко тронуть точностью горькой, «обреченной» интонации, могла бы захватить верно воссозданным возвышенно-суровым драматизмом шекспировской образности. Могла бы...

Вторая из двух «полярных» песен — «Не отрекаются любя» (М. Минков — В. Тушнова). Как неожиданно звучит рояль, один только рояль, во вступлении к этой песне! Нежный, призрачный ноктюрн, стилизованный под «прошлый век» (вот оно, зеркало в старинной раме!). И голос, на удивление сдержанный, бережно несущий каждое поэтическое слово, проникающий в самую глубину этого слова. Песня, поющая наедине, создающая вокруг каждого, кто ее слышит, некое «поле уединения», единственную возможность произнести — или только подумывать! — самое сокровенное... Песня-романс, жанр довольно редкий и на сегодняшний эстраде, и в репертуаре Пугачевой. А жал: сколько здесь проявилось душевной тонкости, благородства, какая чистая лирика вдруг зазвучала!

По-разному можно относиться к этой пластинке, можно сетовать на ее обидные недочеты и «срывы», — но не заметить ее нельзя. «Зеркало души» Аллы Пугачевой — явление в мире эстрадного искусства, и признание его обеспечено «золотым запасом» настоящего артистического и человеческого таланта певицы.

Л. КРЫЛОВА.

ДВА ОТРАЖЕНИЯ ДУШИ

ТЕАТР начинается с вешалки, книга — с обложки... Пластинка начинается с конверта. Эти привычные, банальные вещи пришлось вспомнить поневоле: наша сегодняшняя гостья, пластинка «Зеркало души», своим примечательным конвертом и начинается, и, пожалуй, заканчивается. То есть, прослушав обе стороны диска, хочется снова взять в руки его «обложку» и уже по-новому взглянуть в лицо женщины, запечатленное на двух необычных фотопортретах.

Давайте не пожалеем времени и рассмотрим конверт пластинки подробно: он того заслуживает. Можно сказать даже, что оформление «Зеркала» — своего рода декларация самого существа, главной мысли, насквозь пронизывающей этот концерт из семи песен.

Два отражения души, две стороны одной медали, северный и южный полюс, «лед и пламень»... И вообще, одна ли это женщина? На первом портрете — открытая, ничем не сдерживаемая страсть, невидящий взгляд, взметнувшиеся и упавшие на лицо волосы в святащемся ореоле... Облик до предела «натурален», в нем — незащищенность, мольба, и дальше — до иступления, до крика... Какое уж тут «зеркало», тут — разбитое стекло: никакому «предмету мебели» не выдержать такого натиска эмоций. Мы тоже не выдерживаем и, невольно «подавшись назад» от «встречного ветра», мощным потоком рвущегося прямо на нас с этого удивительного портрета, переворачиваем конверт. И попадаем «в мир иной».

четких световых бликах и переходах. Уж не «кривое» ли оно, это зеркало?.. А вот и сама героиня. Оторвавшись от созерцания себя в этом «магическом стекле», она смотрит на нас через плечо, смотрит недоверчиво, настороженно, неподвижным, усталым взором. Не взгляд, а взор. Не молчит, а «хранит молчание».

Что ж, сделано здорово. Только пока неясно, насколько такое оформление, раскрывающее тайну «двух обликов», соответствует звуковому миру пластинки.

Ставим пластинку, осторожно опускаем звукосниматель...

Легкий, поначалу чуть слышный звон бубенца, неотвязный, как наваждение. Театр, ритуал, шаманское камлание? «Заклинание любви»? В тексте — резкие, «в лоб», столкновения «высокого» и «низкого», поэзии недостижимого — и прозы реального. Вслушаемся: «шаман живет в глухом краю» — и тут же «но я туда билет достану». Или: «и оживет на миг душа» — и сразу «и торговаться я не стану». То же самое противостояние и в музыке этих строк: вначале мы слышим интонации патетически-театральные, может быть, даже «буафорские», как декорации тайного и могущественного шаманского «действия». Но вдруг на эту музыкальную «сцену» вторгается интонация бытовая, расхожая, знакомая нам по множеству эстрадных песен. Приблизить тайнство к себе, присвоить его, использовать как последнее средство завоевания любви... К чему приводят эти «любовные манев-

шамана» (музыка А. Зацепина, слова Л. Дербенева). Песня-заклинание всего «сборника», вобравшая в себя его двойственность, слившая воедино две его краски.

А теперь послушаем совсем другие песни, те, что разделяют контрастные «цвета», располагаясь на разных «полюсах» чувства и его выражения.

«Сонет». Музыка Б. Горбонос, слова В. Шекспира в переводе С. Маршак.

Слова Шекспира... Надо ли что-то добавлять к этому, комментировать высочайшее явление лирической поэзии всех времен и народов? Оказывается, надо. Займемся «исследованиями»: откроем тсмик сонетов, отыщем тот, который интерпретирует Алла Пугачева, — он под номером 90. И обнаружим, что с этими стихами, которые само совершенство, обошлись весьма вольно. Более того, круто с ними обошлись. «Подправили» детали текста, заменив некоторые слова другими. Например, «дождливое утро» превратилось в «тоскливое». Смысл такое нововведение меняет мало, что только усугубляет недоумение: зачем понадобилось это «усовершенствование» Шекспира? Или еще одно изменение. Более существенное: вместо «сразу я постиг» (подлинник) слышим: «снова». Здесь уже меняется смысл. Хотя и не так радикально, как при самой заметной «операции», проделанной с Шекспиром, — кстати, кем проделанной? Имени «редактора» на пластинке, естественно, нет, есть только имена поэта и переводчика. Это «свободное» искажение сонета со-

АНОНС

В субботу, 6 января, зрители I программы Центрального телевидения имеют возможность посмотреть фильм «Театр Аллы Пугачевой».

Фильм снимался по заказу Центрального телевидения в Таллине творческой группой Эстонского телевидения, возглавляемой режиссером Т. Ласманом и оператором М. Карнером.

— Алла Борисовна, когда состоялись ваши первые выступления на радио и телевидении?

— Впервые я выступила в воскресной радиопрограмме «С добрым утром!». На телевидении много позже.

— Ваши учителя в жизни и на сцене?

— Моим идеалом остается замечательная наша актриса театра и кино Любовь Петровна Орлова, которая, на мой взгляд, явилась выразителем целой эпохи в жизни и искусстве. Я считала бы себя счастливой, если бы мне удалось в своей работе — пусть в самой малой доле — отразить время, в котором мы живем. На сцене моим учителем является известный со-

ветский клоун Андрей Николаев. Он мой педагог в ГИТИСе.

— Как вы выбираете песни для своего репертуара?

— Еще до того, как я знакомлюсь с нотами, читаю текст. Выбираю лишь ту песню, которая созвучна моим мыслям и взглядам. Есть еще одно важное обстоятельство — то, о чем поется в песне, должно меня волновать. Если вы заметили, все мои песни — они как бы рассказ

от первого лица. В моем репертуаре — песни на стихи Шекспира, Мандельштама, Цветаевой, Евтушенко, Тушиновой. Что касается композиторов, то в разные периоды я обращалась к творчеству таких мастеров советской эстрадной песни, как Андрей Петров, Ян Френкель, Марк Фрадкин, Давид Тухмаинов. Давняя творческая дружба связывает меня с Александром Зацепиным.

ТЕАТР ПЕВИЦЫ